

Феноменологическое измерение философии Якова Друскина

В настоящее время издаются многочисленные работы, посвященные исследованию отечественной мысли советского периода, а также уделяется внимание русским философам, жившим и работавшим в эмиграции. В советское время труды многих из этих мыслителей не могли быть изданы. Кроме того, исследования, которые были посвящены авторам такого рода, носили идеологический характер. В литературе существует точка зрения, согласно которой русская философия XX в. развивалась под жестким идеологическим контролем в СССР, а мысль, находящаяся за пределами марксистско-ленинской философии, могла существовать лишь в иных странах, ее развивали только мыслители, в свое время покинувшие Россию. Это во многом справедливо, однако и в СССР существовали философы, работавшие не в идеологическом ключе. Яков Друскин (1902–1980), мыслитель советского подполья, представляет собой пример именно такого рода. Изучение его трудов может способствовать пересмотру некоторых устоявшихся стереотипов, касающихся русской философии XX в. Кроме того, его идеи значимы и в контексте мировой философии, он работал в русле современных ему школ и течений мысли. В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть феноменологические идеи философии Я. Друскина. Одной из наиболее важных проблем в феноменологии является проблема времени, которая анализировалась как Э. Гуссерлем, так и многими его последователями. Уделял внимание этой проблематике и Друскин.

Время в феноменологии обсуждается в его непосредственной связи с сознанием. С точки зрения Э. Гуссерля, временность составляет глубинный слой трансцендентального Я, а конституирование временного сознания выступает основой для анализа конституции сознания как такового, сознания вообще. Таким образом, горизонт времени является фундаментальным горизонтом жизни трансцендентального Я. Поток, длительность представляется как нечто продолжающееся во времени, как состоящее из различных моментов, соединенных

актами сознания. Однако при таком понимании неясной остается проблема обеспечения единства временного потока сознания, проблема придания единства изменяющейся множественности. Сам Гуссерль понимал подобную трудность. В работе «Феноменология внутреннего сознания времени» он акцентировал внимание на необходимости единства, единственности длящегося потока сознания: «Это есть один-единственный поток сознания, в котором конституируется имманентное временное единство тока и в то же время единство самого потока сознания. Вызывает недоумение и даже сначала кажется бессмысленным, что поток сознания конституирует свое собственное единство, но все же это так»¹. Однако все равно остается неясным, каким именно образом поток, континуум, непрерывное изменение, множественность сам создает свое единство. С точки зрения Гуссерля, основой единства выступает сама форма потока, которая конституируется в виде некоторого единства момента времени «теперь», а также протенции и ретенции.

Гуссерль отождествляет подлинную реальность с темпоральным потоком, в результате чего неизбежно сталкивается с проблемой единства. Проблема установления единства конституирующего сознания была своего рода камнем преткновения для психологизма, остается она значимой и для трансцендентальной феноменологии. Гуссерль отвергает субстанциальный характер «Я», лишает его того статуса, которое оно имело у Р. Декарта (французский мыслитель указывал, что его *cogito* есть надежная точка, на которую можно опереться при построении рассуждений о методе, именно мыслящая субстанция обеспечивает единство всех проявлений человеческой деятельности). Лишив «Я» субстанциального статуса, Гуссерль взамен наделяет его лишь статусом темпоральности, длящегося временного потока. При таком подходе проблема единства оказывается практически неразрешимой. Из этого положения сложно найти выход. В гуссерлевской абсолютной субъективности, полностью определяющейся временными структурами, невозможно найти твердую точку, которая служила бы сверхвременным, надвременным условием возможности времени.

Друскин вводит в систему ту реальность, которая смогла бы установить единство изменяющегося и длящегося временного потока. В качестве такой реальности выступает вечность как условие воз-

¹ Гуссерль Э. Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени. М., 1994. С. 85.

можности времени. Вечность является основой времени². Друскин в своих работах использует термин «абсолютная субъективность», однако наделяет его иными смысловыми оттенками. Абсолютная субъективность – это единство двух моментов: человеческого и сверхчеловеческого, относительного и абсолютного. Она образуется из двух источников: с одной стороны, человеческого сознания, которое трактуется Друскиным в гуссерлевском ключе как «сознание-время», а с другой – вечность, абсолютность, трансцендентный характер которой и основывает время. Развивая понятие абсолютной субъективности, Друскин использует феноменологический метод. Первым шагом следует осуществить *Erosche*, в результате чего выключается весь мир вместе с самим собой. Если вспомнить Гуссерля, то итогом трансцендентальной редукции и *Erosche* становится трансцендентальное *ego*. По Друскину, таким итогом является абсолютная субъективность.

Истина понимается Друскиным как абсолютная субъективность. В дневниковых записях он ссылается на С. Кьеркегора при упоминании об абсолютной субъективности, указывает его в качестве того автора, у которого он воспринял это понятие и чьи идеи так или иначе послужили стимулом к развитию собственной концепции. «У Кьеркегора есть термин «абсолютная субъективность». Он говорит даже: абсолютная субъективность – истина. Но дальше человеческая абсолютная субъективность терпит у него крушение и появляется другая, высшая абсолютная субъективность. Здесь уже есть парадокс или абсурд: человеческая абсолютная субъективность истинна, но именно тогда, когда она рушится, т. е. обнаруживается как ложная»³.

Как мы видим, абсолютная субъективность противоречива, абсурдна. Друскин трактует этот термин сквозь призму экзистенциальной проблематики, подчеркивает алогизм жизни, ее несистемность. Он пишет: «Истину считали объективной, абсолютной. Кьеркегор сказал: истина – абсолютная субъективность. И еще: истина не что, а как. Я тоже писал об этом, еще не зная Кьеркегора... И абсолютная субъективность, и признание истиной не что, а как и Кьеркегору, и мне необходимо было не для того, чтобы релятивизировать истину, но, наоборот, чтобы лучше понять и утвердить то, что Пушкин назвал великим торжеством (Когда великое свершалось торжество)»⁴. Друс-

² Друскин Я. С. Перед принадлежностями чего-либо. Дневники 1963–1979. СПб., 2001. С. 118.

³ Там же. С. 453.

⁴ Там же. С. 539.

кин отмечал: «И у Кьеркегора, и у Гуссерля абсолютная субъективность противопоставляется психологизму, переживанию, эмоционализму и пр. И все же и этот акт абсолютной субъективности проходит через человека и в человеке, т. е. в душе. И все же это не психологизм, эмоционализм и пр. Поэтому я и отличаю абсолютную субъективность от субъективизма. Уже само понятие абсолютной субъективности противоречиво и абсурдно. Логически абсолютность противопоставляется именно субъективности, а здесь объединяются два несовместимых понятия. Поэтому я и различаю: абсурдное понятие абсолютной субъективности и субъективизм»⁵.

Абсолютное бытие истолковывается Друскиным как «essentia». Латинский перевод трактует это слово как «бытие, сущность». Божественному началу присущи все атрибуты вечности, неизменности. Противоположное ему временное существование – я сам. И здесь имеет смысл говорить об экзистенции. Бог является в каждом человеке. И это явление и есть абсолютная субъективность. В такого рода абсолютной субъективности, тем самым, наблюдаются две составные «части», она проистекает из двух источников: Божественного, Абсолютного и человеческого, субъективного. Истина подобного рода не может заключаться во всеобщем, она находится в индивидуальном, в субъективности человека. Бог является истиной, однако эта истина в мире раскрывается и проявляется только через человека как конкретного индивида, через его субъективное отношение к Богу, и это отношение именуется верой.

В трактовке истины с позиций онтологии Друскин особенно близок традиции русской философии, которая зачастую рассматривала истину как свойство сущего или как само сущее. В. Соловьев утверждал, что истина не заключается в той или иной форме нашего познания, а «в самом сущем, которое есть и познаваемое, то есть истинный предмет знания»⁶. Истина понимается онтологически, Соловьев утверждает, что мы можем «мыслить истину только как сущее всеединое, и когда мы говорим об истине, то мы говорим именно об этом, о сущем всеедином». П. Флоренский, например, обратил внимание на этимологию слова «истина»: в основе русского слова лежит древний санскритский корень es-, который может быть переведен как «быть», «существовать». Тем самым имеет смысл говорить об истине как бытию подлинном, противостоящем бытию ложному, иллюзорному, изменчивому⁷.

⁵ Там же. С. 453.

⁶ Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1.

⁷ Флоренский П.А. Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 121.

Конституирование временного потока у Гуссерля является пассивным, активность сознания не требуется в этом процессе. Друскин же акцентирует внимание на активности сознания в акте конституирования смыслов. Абсолютная субъективность активна. Самосознание, выступающее в качестве основы всякого синтеза, возможно при отнесении к вечности. Абсолютная субъективность конституирует смыслы *sub specie aeternitatis*. Абсолютная субъективность у Гуссерля безлична, Друскин же подчеркивает личностный характер абсолютной субъективности, в ней наличествует соединение двух личностей: Абсолютной Личности и человеческой личности. За счет персонификации конституирующего начала можно добиться единства самосознания, идентичности.

В трактовке времени Друскин различает три независимых состояния:

- временность;
- вневременность;
- вечность.

В работе «Тождество и единство, аналитическое и синтетическое»⁸ отношения между ними он выстраивает следующим образом. Текучести, изменчивости, непостоянности, имеющим место в случае временности, противостоит неизменная и постоянная вневременность. Время и вневременность – это два полюса, взаимно исключающих друг друга. Вневременность абстрактна, она отрицает все атрибуты, присущие времени, однако не наполняет свое содержание новым положительным смыслом. Вневременность можно охарактеризовать не только как противостояние времени, но и как независимость от него, несводимость и нередуцируемость к нему. Например: А есть А, А всегда тождественно А. Слово «всегда» здесь выступает оператором вневременности, оно сообщает приведенной закономерности независимость от изменчивых, текущих условий, независимость от особенностей познающего субъекта, от условий когнитивной ситуации. Вневременность и время суть два полюса одного и того же: отменяя

⁸ Друскин слово «тождество» и производные от него лексические единицы употреблял, намеренно опуская букву «д»: «тожество», «тожественный» и т. д. Дело в том, что он производил эти слова от таких словосочетаний, как «то же самое», «то же, что и», стремясь таким образом подчеркнуть единство и подобие. Впрочем, литературная норма во время жизни Друскина устанавливала допустимость двойного написания и произношения: как тождественный, так и тожественный. И лишь в словарях, изданных в 90-е гг. XX в., слово «тожественный» приводится с пометой «устаревшее».

друг друга, противостоя друг другу, они, однако, не отрицают вечность, которая противопоставлена им обоим. Отношения между временем и вневременностью носят локальный характер, они взаимодействуют по своей форме, но не по содержанию⁹. Взаимодействие между временем и вневременностью выстраивается и в модусе их причастности бытию, сущему. Время несет в себе бытийный оттенок: изменяться, наличествовать в конкретный момент может лишь то, что есть, имеется, существует. Вневременность не имеет причастности к бытию. В этом смысле вневременны идеи, понятия, законы, ценности. У нас нет оснований утверждать, что они имеются, существуют в реальном мире, скорее они имеют значение, смысл (принимая во внимание противопоставление между ними, заданное Г. Фреге), они идеальны, а не реальны.

Для трактовки вечности и ее статуса по сравнению со временем и вневременностью необходимо прояснить иные аспекты, ответить на вопрос о том, каким именно образом отрицаются и время, и вневременность как по форме, так и по содержанию. Как было сказано выше, вневременность, отрицая время, противопоставляет ее конкретным свойствам: текучести, изменчивости, непостоянности и т. п. Отрицание в этом случае носит определенный характер: известно, что отрицается и каким образом. Вечность – это неопределенное отрицание¹⁰. В своей тотальности и всеобщности вечность не различает конкретных состояний, конкретных моментов, невзирая на их временный или вневременный характер.

Таковы три базовые конструкции в концепции Я. Друскина. Отношения между ними могут проясняться и приобретать новый смысл при обращении к тем или иным философским проблемам. Рассмотрим в контексте философии Друскина проблему общих понятий и онтологического статуса законов в науке.

Понятия, законы, ценности идеальны. Друскин объявляет их вневременными¹¹. Поскольку вневременность не причастна бытию, то и эти идеальные объекты лишены бытия. Такая трактовка требует уточнения и пояснения в силу своей неочевидности. В самом деле,

⁹ Друскин Я. Тождество и единство, аналитическое и синтетическое // Друскин Я. Лестница Иакова: Эссе, трактаты, письма. СПб.: Академический проект, 2004. С. 585.

¹⁰ Друскин Я. С. Признаки вечности // «Сборище друзей, оставленных судьбою». Л. Липавский, А. Введенский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников. «Чинари» в текстах, документах, исследованиях: В 2 т. Т. 1. М., 2000.

¹¹ Друскин Я. Тождество и единство, аналитическое и синтетическое. С. 588.

Платон, как мы помним, полагал, что бытиеечно и неизменно. Кроме того, бытие множественно: оно состоит из умопостигаемых бестелесных идей, которые единственно и признаются Платоном истинно сущим. Как мы видим, идеи причастны бытию, причем подлинное бытие и есть идеи. Миру бытия у Платона противопоставлен мир становления: чувственный, эмпирический мир преходящих явлений, вещей. «Нужно отвратиться всей душой ото всего становящегося: тогда способность человека к познанию сможет выдержать созерцание бытия»¹². Тем самым у Платона бытиеечно и идеально, а становление, происходящее во времени, он объявляет лишены бытия. Концепция Друскина отличается от взглядов античного философа. Во-первых, для мыслителей XX в., представляющих неклассическую философию, был характерен отказ от бинарных оппозиций и признание значения за промежуточными, переходными состояниями. У Платона было два возможных варианта: время и вечность. Друскин, как мы отмечали выше, признает три несводимых друг к другу состояния: время, вневременность и вечность. Во-вторых, само понятие идеальности Друскин использует в другом смысле. Для русского философа идеальность не относится к надэмпирическому миру бестелесных сущностей; термин «идеальность» Друскин трактует как «общезначимость». Для понимания концепции Друскина важно прояснить значение этого термина.

Во-первых, общезначимость в его работах не тождественна всеобщности. Он выдвигает на первый взгляд парадоксальный тезис: «не только общие, но и частные и единичные суждения в высказывании предполагаются общезначимыми»¹³. Общезначимость достигается путем абстрагирования от экзистенциала сейчас-здесь. Этот экзистенциал носит конкретный характер наличествования в определенном месте пространства (здесь) в конкретный единичный момент времени (сейчас). Как пишет Друскин: «В чем заключается абстрагирование или идеация? В том, что определенное конкретное состояние я вырываю из определенной конкретной ситуации – отделяю его от конкретной окрестности, вырываю из сейчас-здесь»¹⁴. Как мы указывали выше, время и вневременность отрицают определенные свойства друг друга, за счет чего возможен переход из одного состояния в другое. Таким образом, отрицая сейчас-здесь какого-то суждения, мы

¹² Платон. Государство. Кн. 7 // Платон. Соч.: В 4 т. СПб., 2007. Т. 3.

¹³ Друскин Я. Лестница Иакова: Эссе, трактаты, письма. СПб., 2004. С. 753.

¹⁴ Друскин Я. Тождество и единство, аналитическое и синтетическое. С. 583.

придаем ему, с одной стороны, вневременный характер, а с другой – общезначимость. Друскин утверждал: «Идеация, общезначимость, аналитическое тождественность – все это только аналитическое свойство мысли и только в самом акте мысли, понимания, высказывания. Это не психологизм, потому что отождествление, т. е. сама аналитическая тождественность понятия, суждения, мысли, – трансцендентальное, а не психологическое свойство акта мысли»¹⁵.

Во-вторых, общезначимость означает внеличность, отсутствие привязанности к определенной персоне¹⁶. Смысл будет значимым для всех людей, которые способны распознавать кодовые обозначения, устанавливать связь денотата и десигната. Применительно к проблеме личности Друскин противопоставляет общезначимость и соборность. Так, первая отрицает, делает незначительной связь между личностями, их общение и взаимодействие. Для соборности это общение важно. Это взаимодействие между индивидами именно сейчас-здесь прикасается к вечности. Помимо всего прочего, общезначимость относится не к временности, но также лишено связи с вечностью. Иными словами, общезначимость вневременна, что становится ясным при учете предыдущего анализа времени в философии Друскина. Общезначимость закона, истинного положения дел и подразумевает их значение «для всех, то есть ни для кого в отдельности»¹⁷.

Тезис об общезначимости законов, суждений, претендующих на истину, кажется самоочевидным. Это так или иначе подразумевается в научном сообществе. Логический закон устанавливает вневременной, внеличный характер его значимости. Однако Друскин утверждает, что и частные, и единичные суждения могут быть общезначимыми¹⁸. Этот аспект нуждается в прояснении. Возьмем пример Друскина: «Сейчас я слышал гром». Это единичное суждение, описывающее переживания конкретного человека. Однако в данном случае выделяются следующие аспекты. Имеют место экзистенциальные переживания человека, его удивление, равнодушие или страх от происходящего. Человек мог слышать гром, но мог и находиться в плену слуховых иллюзий. Важен сам факт высказывания, констатирование некоторого положения дел. Друскин отмечает: «В моем акте высказывания некоторая конкретная ситуация – я, сейчас-здесь, мои слу-

ховые восприятия – самим актом мысленного высказывания вырываются из времени»¹⁹.

Человек наблюдал полет птицы и высказал суждение об увиденном. Как пишет Друскин: «Высказанное мною суждение общезначимо: когда-то существовали я, птица и ее полет. Гуссерль назвал бы эту общезначимость эйдосом конкретной ситуации. Но что значит сейчас, которого сейчас нет, и здесь, которого здесь нет? Гуссерль делает сейчас – тем же самым сейчас и здесь – тем же самым здесь. Но сейчас – именно не то же самое сейчас, и здесь – не то же самое здесь. Но тогда что же значит эта общезначимость суждения? Только одно: когда я живое сейчас-здесь делаю мысленно тем же самым сейчас-здесь, я вырываю его из конкретной ситуации, из его реальных окрестностей, именно из сейчас-здесь, т. е. из времени и пространства, из существования или бытия. Тогда ясно, что оно уже не реально, а идеально, не во времени, а вне времени. Но вне времени не значит в вечности, и идеация не есть перенесение в вечное абсолютное бытие»²⁰.

Это происходит за счет смысла, общезначимость высказыванию придает именно смысл, который доступен для понимания не только высказывающему предложение человеку, но и любому, кто способен понять данное суждение на языке его произнесения, расшифровать символы и коды обозначения. Именно смысл высказывания общезначим и находится вне времени: он не зависит ни от условий речевой ситуации, ни от личности говорящего. Единичность и конкретность имеют место лишь на скрытом уровне сознания, ментального состояния, которое значимо лишь для человека, обладающего этим сознанием. Но сам язык значим для всех, кто им владеет. И поэтому суждения, высказываемые в конкретное время, в конкретном месте (сейчас-здесь) определенным человеком теряет свой приватный статус и становится общезначимым. Без этого общезначимого характера не может быть и понимания.

В работе «Геоцентрическая антропология» Друскин выстраивает концептуализацию времени, различая микро- и макрофеноменологию. Под первой понимается «созерцание и описание основных элементов прошлого и будущего, не смешанных друг с другом», в то время как макрофеноменология изучает «возможные смещения или наложения одного элемента времени на другой, из которых создается

¹⁹ Друскин Я. Тождество и единство, аналитическое и синтетическое. С. 586.

²⁰ Там же. С. 583.

¹⁵ Там же. С. 585.

¹⁶ Там же. С.586.

¹⁷ Там же. С. 591.

¹⁸ Друскин Я. Формула Бытия: Трактат // Друскин Я. Лестница Иакова. С. 421.

психологическое переживаемое время»²¹. В круг проблем, которые исследует микрофеноменология времени, входят первоначальная рефлексия о времени, понимание этого явления с позиций так называемого здравого смысла: непосредственное переживание времени в каждый из его моментов, отделение того, что было, от того, что есть и чему еще предстоит случиться. Исходная точка в построении рассуждений о времени, от которой отталкивается Друскин, – момент Сейчас, обладающий реальным существованием. Во-первых, этот момент находится в посредничестве между прошлым и будущим, разделяет их, что интуитивно ясно еще в акте первоначальной рефлексии. Во-вторых, неотъемлемым свойством Сейчас является бесспорный факт существования: «Того, что было, уже нет, того, что будет, еще нет, есть настоящее. Но что такое настоящее? Сегодняшний день? Но часть его уже прошла. То, что я написал, уже не сейчас, а хотя бы только что»²². Друскин стремится выделить и зафиксировать не воспоминание о прошедшем событии, а саму реальность, которая существует сейчас. Прошлого и будущего времени нет, но если сказать, что нет настоящего, то получится, что нет ничего. Друскин же исходит из постулата, согласно которому есть нечто, а не ничто. В качестве существующего он выделяет момент времени, который происходит «сейчас», «теперь», и наделяет его категориальным статусом: «Сейчас».

Реально наличествующее «Сейчас» невозможно схватить, зафиксировать и как-либо определить логико-понятийным способом. Будучи вербально обусловленным, оно теряет онтологический статус настоящего и переходит в разряд прошедшего времени, пусть даже только что бывшего. Момент «Теперь» можно лишь непосредственно переживать, находиться в нем, реализовывать экзистенциально. Неслучайно Друскин отмечает, что его феноменологический метод избегает спекулятивных доказательств, основанных на использовании причинно-следственных связей и оперирующих категориями рассудка. Наиболее адекватный способ проникновения в глубь данного феномена – созерцание, сходное с тем, которые использовали индусы. «Вот душа, смотри и познавай»²³.

²¹ Друскин Я.С. Теоцентрическая антропология. Рассуждения о душе (Основание феноменологии времени) // Лестница Иакова: Эссе, трактаты, письма. СПб., 2004. С. 628.

²² Там же. С. 629.

²³ Там же. С. 627.

Таким образом, исходная точка в построении теории времени – момент «Сейчас». Сейчас обладает реальным существованием, находясь в посредничестве между прошлым и будущим. Неотъемлемым свойством «Сейчас» являются существование и единичность. Если что-либо и существует, то оно существует сейчас, причем в каждый момент восприятия возможно выделить лишь одно сейчас. Друскин поэтому и утверждает, что суждение «Сейчас единственно, нет двух Сейчас» является аналитическим, единичность и уникальность «Сейчас» обусловлена самим его категориальным статусом, статусом посредника между прошлым и будущим²⁴.

Эти рассуждения важны в свете построения онтологической модели реальности. Как известно, многие философы при построении своих систем искали некоторую изначальную данность, надежную точку, на которую можно опереться в своих дальнейших рассуждениях. Для Декарта в качестве такого выступает *ego cogito*, в существовании которого невозможно усомниться. Гегель систему начинал с чистого бытия и т. д. Друскин выстраивает онтологию времени, признавая реально существующим момент Сейчас. Субъект уже неявно подразумевается Друскиным в его рассуждениях о временной точке Сейчас. Но заключать от мышления и даже от мыслящего субъекта к существованию, по Друскину, нельзя. Существование невозможно вне времени, только в темпоральном аспекте оно может не только мыслиться, но и наличествовать. «Сейчас есть или Сейчас – источник всякого существования»²⁵. Таким образом, Друскин следует в рассуждениях о времени характерным для неклассической мысли и в особенности для философии XX в. стремлениям объединить время и бытие, показать их внутреннюю связь, обратить внимание на временной характер бытия и сущего.

Взгляды Друскина применительно к проблеме времени близки позиции Ф. Brentano. Последний признавал реально существующими единичные моменты времени, которые лишены протяженности и пребывают в настоящем. Таким образом, Сейчас – это не длительность, не отрезок времени, а некоторая точка, которая разделяет прошлое и будущее. Концепция Друскина отличается от гуссерлевского понимания времени. Так, основатель феноменологии утверждал, что акт восприятия не представляет собой моментальной точки «Теперь»,

²⁴ Там же. С. 629.

²⁵ «Сборище друзей, оставленных судьбою». Т. 1. С. 481.

лишенной длительности. Восприятие выстраивается во временном континууме, представляющем единство точки «теперь», а также ретенции (удержания в памяти прошедшего момента) и протенции (предвосхищения будущего момента)²⁶. Таким образом, исходная реальность в построении времени для Гуссерля – это континуум, а не единичный момент.

Поскольку существует только настоящее, то возникает вполне закономерный вопрос об онтологическом статусе иных моментов и периодов. Временной ряд обычно изображают в виде отрезка, который иллюстрирует движение от прошлого к будущему. Эта наглядность кажется вполне ясной и – что самое важное – удобной, поскольку, отталкиваясь от линейной перспективы, позволяет расположить события в хронологической последовательности. Друскин отмечает, что такой подход не может объяснить органическую связь между различными мгновениями; они выступают лишь как бессвязные точки, механически объединенные друг с другом. В действительности движение во времени происходит из настоящего в прошлое и будущее. Эта мысль есть и у Августина: «Все прошедшее наше было некогда будущим, все будущее зависит от прошедшего; но все прошедшее и все будущее творится из настоящего, вечно сущего, для которого нет ни прошедшего, ни будущего; и это-то мы и называем вечностью»²⁷.

В воспоминании, как и во всяком мыслительном процессе, выделяется предмет содержания, то, на что оно направлено. Применительно к воспоминанию предметом может быть событие, имевшее место в прошлом. Содержанием воспоминания является событие прошлого в акте воспоминания, связанное с переживанием его сейчас. Друскин называет этот акт «есть как было», подразумевая тем самым, что определенное событие прошлого существует в настоящем посредством акта восприятия, но тем не менее ввиду своего предмета (как) и содержания (было) отсылает нас к тому времени, когда оно имело реальный онтологический статус «есть». Каждый момент времени существует в настоящем как «есть», а затем он может продолжить свое существование в модусе «есть как было», являясь уже вторичным по отношению к новому моменту «сейчас». Можно выстроить цепочку, которая от настоящего к прошлому разворачивает временной ряд:

²⁶ Гуссерль Э. Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени. С. 130.

²⁷ Цит. по: Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М., 2007.

1. Сейчас есть.
2. Сейчас есть как было.
3. Сейчас есть как было, которое есть как было²⁸.

Друскин проводит феноменологическое описание, которое, радикально отличаясь от психологического, представляет «было», «отделенное от других побочных наслоений». Именно так время и должно рассматриваться в микрофеноменологии. Это становится возможным за счет исключения субъекта восприятия, заключения в скобки собственных психических переживаний, которыми обязательно сопровождается любой акт переживания, воспоминания. Такое чистое, освобожденное от всех психологических наслоений прошлое (или будущее) не может существовать как настоящее, не обладает тем же онтологическим статусом, но оно является нам в модусе «есть как было».

В трактовке переживаемого времени Друскин тоже отталкивается от концепции Brentano, однако видоизменяет ее. Само переживание времени, по Brentano, способно возникнуть из опыта созерцания, называемого Brentano протерэстезой²⁹. В качестве примера он называет *слушание* мелодии или наблюдение за летящей стрелой. Благодаря протерэстезе есть основания наносить те или иные события на временной ряд, создавая схему времени, располагать события в определенной последовательности, «раньше» или «позже» друг друга. Также протерэстеза служит источником временного континуума, что позволяет рассматривать время как бесконечно простирающееся и в прошлое, и в будущее. При этом существование, с точки зрения Brentano, возможно лишь в настоящем, только моменты настоящего могут быть нам даны в восприятии со всей своей очевидностью. О прошлом или будущем можно лишь выносить суждения. Причем в суждении, в понятии мы мыслим лишь те вещи, процессы, которые даны в отношении к непосредственному восприятию в настоящем. Тем самым, прошлое может быть признано существующим лишь в отношении к настоящему.

Будущее время «или не существует вовсе или же имеется сейчас и в Сейчас». В таком случае оно получает наименование «есть как будет». Стоит отметить, что будущее имеет ряд существенных характеристик, отличающих его от прошлого. Прежде всего, именно к будущему относится свобода выбора. «Есть как будет» – это предположе-

²⁸ «Сборище друзей, оставленных судьбою». Т. 1. С. 531.

²⁹ Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М., 2007. С. 367.

ние возможного развития событий, стечения обстоятельств, причем направление этому ходу событий задает сам мыслящий субъект: именно он устанавливает, какие действия необходимо совершить, а от каких следует отказаться, именно ему принадлежит исключительное право творения будущего в акте свободного выбора. Друскин различает две свободы воли: внутреннюю и внешнюю. Первая имеет свое выражение в намерениях, желаниях и устремлениях человека, в диспозиции к действию. Этот вид свободы распространяется на сферу чистой мысли, к которой не примешивается ничто внешнее. И именно здесь человек обладает полной свободой выбора: последующие события зависят не только от человека, их планирующего, очень часто вмешиваются иные лица, влияют обстоятельства, но намерение зависит только от мыслящего субъекта, от него самого.

Микрофеноменология анализирует чистое прошлое и чистое будущее³⁰. Однако в обычном воспоминании или представлении, как отмечает Друскин, оба элемента накладываются друг на друга. Например, человек обдумывает свои прошлые поступки, действия, слова. В чем-то он раскаивается, что-то он не хотел бы иметь в своей жизни: желал бы, чтобы ход событий оказался иным. Подобные состояния исследует макрофеноменология. Как пишет Друскин: «На прошлое, то есть на его воспоминание, я накладываю элемент будущего – свободу выбора, и тем самым возникает представление перехода от намерения к решению, необратимость этого перехода»³¹. Таким образом, человек вносит свободу выбора в прошлое, совмещает прошлое с будущим. Он оперирует прошлыми событиями по аналогии с будущим, представляет их иной исход, другое развитие событий. Кроме того, человек мыслит последовательный переход от одного события к другому как результат свободного выбора, полагает, что сам выбирал тот или иной исход событий. Это тоже наложение будущего на прошлое.

Имеет место, как указывает Друскин, и наложение прошлого времени на будущее: «Когда будущее представляется не как возможность свободного выбора, но как некоторый ряд событий, то на него накладывают элемент прошлого»³². Схематически будущее следует изображать не как линию, направленную в одну сторону. Необходимо учитывать, что в каждой точке будущего времени имеется ряд альтернатив для дальнейшего развития событий. Поэтому, указывает

³⁰ Друскин Я. Геоцентрическая антропология. С. 621.

³¹ Там же. С. 635

³² Там же. С. 638.

Друскин, будущее предстает не как одна линия, но как разветвляющиеся линии. Каждый мотивированный выбор представляет будущее с элементами прошлого. Человек выбирает способы действия, совершает те или иные поступки, руководствуясь своим прошлым опытом, учитывая содержание воспоминаний.

Феноменологическая тематика является одной из основных в философских работах Я. Друскина, он работал над ней многие годы своей жизни. Тем не менее, при рассмотрении традиционно феноменологических вопросов и проблем Друскин зачастую прибегает и к иным подходам, в частности отчетливо прослеживается влияние экзистенциальной проблематики. Это не позволяет однозначно отнести русского мыслителя к какому-то одному направлению философии, но заставляет говорить о синтезе, взаимодействии в его творчестве нескольких программ и направлений мысли.

БИБЛИОГРАФИЯ

Гайдено П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М., 2007.

Гуссерль Э. Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени. М., 1994.

Друскин Я.С. Перед принадлежностями чего-либо. Дневники. 1963–1979. СПб., 2001.

Друскин Я.С. Признаки вечности // «Сборище друзей, оставленных судьбою». Л. Липавский, А. Введенский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников. «Чинари» в текстах, документах, исследованиях: В 2 т. Т. 1. М., 2000.

Друскин Я.С. Геоцентрическая антропология. Рассуждения о душе (Основание феноменологии времени) // Лестница Иакова: эссе, трактаты, письма. СПб., 2004.

Друскин Я.С. Тождество и единство, аналитическое и синтетическое // Друскин Я.С. Лестница Иакова: Эссе, трактаты, письма. СПб.: Академический проект, 2004.

Друскин Я.С. Формула Бытия: Трактат // Друскин Я.С. Лестница Иакова: Эссе, трактаты, письма. СПб.: Академический проект, 2004.

Платон. Государство // Платон. Соч.: В 4 т. Т. 3. СПб, 2007.

Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1.

Флоренский П.А. Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1996.